

ЗАМРИ

Кира Лавров

От автора бестселлера
«Мы в порядке»

18+

Нина Лакур

Замри

Серия «REBEL»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68289224
Н. Лакур. Замри: Popcorn Books; Москва; 2021
ISBN 978-5-6046290-1-7

Аннотация

После смерти своей лучшей подруги Ингрид Кейтлин растеряна и не представляет, как пережить боль утраты. Она отгородилась от родных и друзей и с трудом понимает, как ей возвращаться в школу в новом учебном году. Но однажды Кейтлин находит под своей кроватью тайный дневник Ингрид, в котором та делилась переживаниями и чувствами в борьбе с тяжелой депрессией.

Содержание

Лето	5
Осень	13
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Нина Лакур Замри

Nina LaCour
Hold Still

© М. Давыдова, перевод на русский язык, 2021

© Popcorn Books, издание на русском языке, оформление,
2021

Text copyright © 2009 and 2019 by Nina LaCour

Illustrations copyright © 2009 by Mia Nolting

Cover Art © 2019 by Adams Carvalho

Cover Design by Samira Iravani

* * *

Посвящается моей семье и Кристин

Лето

1

С моих волос капает вода. Она стекает по полотенцу и собирается в лужицу на диване. В ушах я слышу стук собственного сердца.

– Послушай, милая...

Мама произносит имя Ингрид, и я начинаю мычать без слов. Не какую-нибудь мелодию, а просто мычать на одной ноте. И пусть я выгляжу сумасшедшей; пусть это ничего не изменит, но лучше уж так, чем рыдать, лучше так, чем заходиться криком, лучше так, чем слушать то, что мне говорят.

Что-то колотится у меня в груди – тяжелое, как чугунный якорь. Еще немного, и оно пробьет во мне дыру. На нетвердых ногах я поднимаюсь в свою комнату, натягиваю вчерашние джинсы и футболку. Выхожу из дома, иду по улице, сворачиваю к остановке. Папа окликает меня, но я не отзываюсь. В последний момент я запрыгиваю в отходящий автобус. Я сажусь в конец салона, проезжаю через весь Лос-Серрос, потом через соседний городок и выхожу на незнакомой улице. Я сажусь на скамейку на остановке, стараясь дышать ровнее. Светофор здесь не зеленый, как у нас, а слегка голу-

боватый. Мимо проходит женщина, толкая перед собой коляску. Она улыбается. Надо мной колышется ветка дерева. Я стараюсь быть легкой, как воздух.

Но мои руки не знают покоя. Чтобы занять себя, я начинаю ковырять скамейку там, где дерево расщепилось. Короткий ноготь на правой руке обламывается еще сильнее, но мне удастся оторвать маленькую щепку. Я прячу ее в левую ладонь и принимаюсь за следующую щепку.

Всю ночь я слушала на повторе запись своего голоса, перечисляющего биологические факты. Сейчас он снова звучит у меня в голове музыкой катастрофы, заглушающей окружающий мир. *Если у кареглазого мужчины и кареглазой женщины родится ребенок, у этого ребенка, скорее всего, будут карие глаза. Но если у отца и матери есть ген, отвечающий за голубые глаза, у ребенка могут быть голубые глаза.*

Рядом со мной садится старичок в вязаном кардигане со снежинками. У меня в руке уже целая горсть щепок. Я чувствую, что он смотрит на меня, но не могу оставить скамейку в покое. Меня так и подмывает огрызнуться: «Чего уставил-ся? Июнь, жара на улице, а на тебе новогодний свитер».

– Тебе нужна помощь, дочка? – спрашивает старичок. У него тонкие седые усы.

Я мотаю головой, не поднимая глаз от скамейки. *Нет.*

Он вынимает из кармана телефон.

– Может, тебе нужно позвонить?

Мое сердце пропускает удар, и я закашливаюсь.

– Давай я позвоню твоей маме?

Ингрид блондинка. У нее голубые глаза, а отец брюнет, значит, у него должен быть рецессивный ген, отвечающий за голубые глаза.

К остановке подъезжает автобус. Старичок встает, побряхтывая.

– Дочка...

Он поднимает руку, словно собирается похлопать меня по плечу, но передумывает.

В ладонь уже ничего не помещается, и щепки начинают сыпаться на землю. Какая я ему дочка? Еще немного, и я взорвусь, рассыплюсь на атомы.

Старичок отходит, садится в автобус и уезжает.

Мимо проезжают машины. Размытые разноцветные пятна мелькают одно за другим. Иногда они останавливаются на светофоре или для того, чтобы пропустить пешехода, но потом все равно уезжают. Пожалуй, я останусь здесь жить. Буду ковырять скамейку, пока на тротуаре не образуется целая куча щепок. Забуду, каково это – думать о другом человеке.

У остановки притормаживает автобус, но я отмахиваюсь. Несколько минут спустя две девчушки выглядывают на меня с пассажирского сиденья синей машины: одна – светлокожая блондинка, вторая – брюнетка, посмуглее. Их волосы украшают цветные заколки. Конечно, не исключено, что они сестры, но вероятность этого невелика. Они вытягивают шеи, чтобы получше меня разглядеть, и смотрят во все глаза.

Когда загорается зеленый, они высовывают руки из открытого окна и машут мне так энергично, что их ладошки сливаются в порхающих птичек.

Через какое-то время подъезжает папа. Тянется к ручке, открывает дверь с моей стороны. Меня обдает запах кожи. Разреженный холодный воздух из кондиционера. Я сажусь в машину и позволяю отвезти меня домой.

2

Весь следующий день я провожу в постели. Когда я иду в туалет, то стараюсь не смотреть в зеркало. Один раз я поймала свое отражение: мне как будто поставили два фонаря под глазами.

3

Про следующий день я говорить не могу.

4

Мы ползем по серпантину с черепашей скоростью, потому что папа водит аккуратно и до смерти боится высоты. С одной стороны от дороги – скалистый обрыв и океан, с другой – густые заросли и дорожные знаки с названиями горо-

дов с населением восемьдесят четыре человека. Мама взяла с собой всю свою коллекцию классики, и сейчас мы слушаем Бетховена. Если точнее, «К Элизе», которую она часто играет на фортепиано. Она рассеянно постукивает пальцами по коленям.

На окраине небольшого городка мы сворачиваем на обочину, чтобы перекусить. Мы сидим на старом стеганом покрывале. Родители смотрят на меня, а я – на выцветшую ткань и вышитые вручную стежки.

– Тебе следует кое-что знать, – говорит мама.

Я вслушиваюсь в шум проезжающих мимо машин, рокот волн, шорох бумаги, в которую завернуты сэндвичи. Но отдельные слова все равно пробиваются: *клиническая депрессия, лечение, с девяти лет*. Океан далеко внизу, но волны бьются о берег так громко, что кажется, будто они совсем близко и вот-вот захлестнут нас.

– Кейтлин, – зовет папа.

Мама касается моего колена.

– Милая? – говорит она. – Ты меня слышишь?

На ночь мы останавливаемся в срубовом доме с двухъярусными кроватями. Я чищу зубы спиной к зеркалу, забираюсь на верхнюю койку и притворяюсь спящей. Родители на цыпочках ходят по скрипучим половицам, включают и выключают воду, жмут на кнопку смыва, распаковывают до-

рожные сумки. Я подтягиваю ноги к груди, чтобы занимать как можно меньше места.

Гаснет свет.

Я открываю глаза и смотрю в деревянную стену. Когда-то я узнала, что деревья растут изнутри наружу. С каждым годом они наращивают новое кольцо. Я на ощупь пересчитываю кольца.

– Это пойдет ей на пользу, – негромко говорит папа.

– Надеюсь.

– Хотя бы увезли ее подальше от дома. Тут тихо, спокойно.

– Она почти все время молчит, – шепчет мама.

Я замираю и перестаю считать. Я жду продолжения разговора, но спустя несколько минут слышу папин присвистывающий храп и ровное дыхание мамы.

Мои пальцы сбились со счета. Слишком темно, чтобы начинать заново.

В три или четыре утра я резко просыпаюсь. Я всматриваюсь в созвездия, нарисованные на потолке. Я стараюсь поменьше моргать, потому что когда я моргаю, то вижу лицо Ингрид с закрытыми глазами и неподвижными губами. Я беззвучно проговариваю биологические факты, чтобы отогнать ненужные мысли. «Мейоз проходит в два этапа, в результате которых образуются четыре клетки, – шепчу я едва слышно, чтобы не разбудить родителей. – Каждая из клеток получает половину хромосом материнской клетки». Снару-

жи проезжает машина. По потолку, прямо по звездам, пробегают полосы света. Я повторяю факты, пока они не сливаются в нечленораздельный поток.

Мейоз проходит в два этапа в результате которых образуются четыре клетки каждая из клеток получает половину хромосом материнской клетки мейоз проходит два...

Я начинаю улыбаться. С каждым разом фраза звучит все забавнее, и вскоре мне приходится накрыть лицо подушкой, чтобы не разбудить родителей смехом, которым я пытаюсь себя усыпить.

5

Жарким июльским утром папа берет в аренду машину, потому что ему пора возвращаться к работе. Но мы с мамой остаемся в Северной Калифорнии, словно больше в мире ничего нет. Я езжу на переднем сиденье и слежу, чтобы мы не покидали невидимых границ на карте – не дальше нескольких миль от границы с Орегоном на севере, не дальше Чико на юге. Мы гуляем по пещерам и лесам, катаемся по разбитым дорогам и едим сэндвичи с плавленым сыром в придорожных кафе. Мы обсуждаем только то, что видим: сосны, официанток, количество льда в холодном чае. Как-то вечером в совершенном захолустье мы натываемся на крошечный старый кинотеатр. Мы смотрим детский фильм, потому что больше в нем ничего не показывают, и чаще обсужда-

ем детские визги и смех, чем происходящее на экране. Дважды мы, надев на лоб фонарики, спускаемся в лавовые пещеры Лассенского национального парка. Мама спотыкается и взвизгивает. Ее голос подхватывает эхо. Мне начинает сниться старик с остановки. Он подплывает ко мне посреди леса, на нем смокинг с красным галстуком-бабочкой. «Дочка», – произносит он и протягивает свой мобильный. Я знаю, что это звонит Ингрид, что она хочет со мной поговорить. Я тянусь к телефону и вдруг замечаю, что, хотя меня окружают зеленые деревья и бурая земля, сама я черно-белая.

По утрам мама разрешает мне выпить кофе. «Милая, ты такая бледная», – говорит она.

6

А потом вдруг наступает сентябрь.
И нам приходится вернуться.

Осень

1

Три часа утра. Не лучшее время, чтобы фотографировать без источников света, вспышки или высокочувствительной пленки, и все же я, распластавшись по капоту угловатого серого автомобиля, который уже должна бы водить, направляю объектив фотоаппарата в небо в надежде запечатлеть луну, прежде чем на нее наползет облако. Я щелкаю кадр за кадром на длинной выдержке, пока луна не скрывается, а небо не чернеет.

Машина поскрипывает, когда я сползаю на землю, и стонет, когда я открываю дверь и забираюсь внутрь. Я блокирую двери и сворачиваюсь на обитом тканью заднем сиденье.

У меня есть пять часов, чтобы привести себя в порядок.

Проходит пятнадцать минут. Я общипываю искусственный мех с чехлов на передних креслах, хоть они мне и нравятся. Я не могу остановиться – белый ворс летит во все стороны.

К половине пятого я успела несколько раз впасть в истерику, заработала головную боль, засунула кулак в рот и кричала. Мне нужно как-то сбросить напряжение и хоть немно-

го поспать.

В окне моей комнаты загорается свет. Потом свет загорается в кухне. Дверь открывается, и мама, потуже запахнув халат, выходит на порог. Я тянусь к аварийке, нажимаю пару раз и смотрю, как она возвращается в дом. На пленке остался один кадр, и я через лобовое стекло фотографирую наш темный дом с двумя освещенными окнами. Я назову этот снимок «Мой дом в 5:23». Может, когда-нибудь, когда у меня не будет раскалываться голова, я взгляну на него и попытаюсь понять, почему я, вернувшись домой, каждую ночь проводила в холодной машине в паре шагов от теплого дома, где родители лежали без сна, сходя с ума от тревоги.

Около шести я наконец засыпаю.

Папа стучит в окно, чтобы меня разбудить. Я открываю глаза – уже светло. Папа стоит в костюме.

– Вот это у тебя намело, – говорит он.

Задняя сторона кресел полностью облысела. У меня болит рука.

2

Я иду к школе длинной дорогой; листок со свежим расписанием сложен в крошечный квадратик и спрятан глубоко в кармане. Я прохожу мимо торгового центра; «Сэйфвея»¹ с

¹ Safeway – американская сеть супермаркетов.

его огромной парковкой; выставленного на продажу участка, где раньше был боулинг, пока администрация не решила, что боулинг в пригороде не нужен, и не снесла здание. Два года назад, пятничным вечером, я выскочила на одну из дорожек и сфотографировала, как Ингрид запускает в меня тяжелый красный шар. Я расставила ноги, и шар прошел между ними. Администратор наорал на нас и выставил за дверь, но позже простил. Эта фотография висит у меня на двери гардеробной: смазанное красное пятно, сосредоточенный горящий взгляд Ингрид. А за ней – огни, незнакомцы и ряды туфель для боулинга.

Я останавливаюсь на углу, чтобы почитать заголовки на витрине газетного ларька. В мире наверняка что-нибудь да происходит: наводнения, научные прорывы, войны. Но этим утром, как чаще всего и бывает, «Лос-Серрос Трибьюн» предлагает мне только местные новости и прогноз погоды.

При первой возможности я сворачиваю в переулок: не хочу, чтобы знакомые останавливались и предлагали подвезти. Скорее всего, они захотят поговорить об Ингрид, и я буду тупо пялиться на свои руки. А может, они не захотят говорить об Ингрид, и мы всю дорогу будем ехать в долгом тяжелом молчании.

В переулке между многоэтажками шуршат по гравию колеса, и рядом со мной возникает Тейлор Райли на скейтборде, заметно вытянувшийся за лето. Он ничего мне не говорит. Я смотрю, как мои кроссовки поднимают пыль. Он про-

езжает мимо и останавливается, дожидаясь меня. Он делает это снова и снова, не говоря ни слова, даже не глядя в мою сторону.

Его волосы выгорели на солнце, а кожа потемнела и покрылась веснушками. Он мог бы играть в каком-нибудь сит-коме себя – самого популярного парня в школе, который не подозревает о своей популярности. Неизменным атрибутом телеверсии Тейлора был бы не скейтборд, а бомбер, а вместо того чтобы сидеть на уроках со скучающим видом, он бы отстаивал честь школы на соревнованиях. Он бы ездил в школу на дорогой тачке в компании какой-нибудь красотищи-выпускницы, а не тащился бы по узкой грунтовой дорожке рядом с мрачной молчаливой девчонкой.

Дорожка заканчивается, и мы оказываемся на тротуаре. В нескольких домах от нас скопилась пробка из машин, поворачивающих на школьную парковку. Мне хочется развернуться и убежать домой.

– Соболезную насчет Ингрид, – говорит Тейлор.

– Спасибо, – отвечаю я машинально.

Машины одна за другой проезжают мимо и сворачивают на парковку. Девчонки визжат и обнимаются, как будто не виделись много лет. Парни лупят друг друга по спинам – должно быть, это считается дружеским жестом. Я стараюсь на них не смотреть. Мы с Тейлором поворачиваемся друг к другу и изучаем его скейтборд, неподвижно стоящий на земле. Хлопает дверь машины. Раздаются шаги. Алисия Макин-

тош влетает в меня и заключает в объятия.

– Кейтлин, – выдыхает она.

Меня обдает приторным цветочным ароматом. Я стараюсь сдержать кашель.

Она отступает на шаг, придерживая меня за локти. На ней узкие джинсы и желтый топ, на котором голубыми блестками выложено: «КОРОЛЕВА». Рыжие волосы рассыпались по плечам.

– Ты такая сильная, – говорит она. – Ты молодец, что вернулась в школу. Я бы на твоём месте... даже не знаю. Лежала бы пластом, наверное, натянув одеяло на голову.

Она смотрит на меня взглядом, который, видимо, считает понимающим. Ее большие зеленые глаза распахиваются еще больше. В тот единственный семестр, когда я ходила в драматический кружок, нас учили, что для того, чтобы заплакать, нужно долго не моргать. Может, она забыла, что мы с ней вместе ходили на эти занятия? Она продолжает сжимать мне локти, и вот наконец по ее веснушчатой щеке сбегает слезинка.

«Алисия, – хочется сказать мне, – когда-нибудь ты получишь “Оскара”».

Но вместо этого я говорю:

– Спасибо.

Она кивает, сдвигает брови и выжимает из себя еще одну слезу.

Ее внимание переключается на что-то другое. К нам идут

ее подруги. На них разные версии одного и того же топа: «ПРИНЦЕССА», «АНГЕЛ», «ИСПОРЧЕННАЯ ДЕВЧОНКА». Видимо, в этом году Алисия у них главная. Наверное, я должна быть польщена, что ее руки сейчас пережимают мне сосуды.

– Ты, наверное, опоздаешь из-за меня. Но я хочу, чтобы ты знала: если тебе что-нибудь понадобится, я буду рядом. Я знаю, что мы с тобой давно не общались, но ведь раньше мы так дружили. Я с тобой. Днем и ночью.

Я не могу представить, чтобы когда-нибудь дружила с Алисией. Не потому, что мы такие разные, – у меня просто не получается думать о том, что было до старших классов. До увлечения фотографией, до экзаменов, до тревог, связанных с поступлением. До Ингрид. Я помню Алисию еще совсем ребенком, когда она, уперев ладошки в бока, сообщила всей песочнице, что единорогом может быть только она. А еще я помню девочку с каштановыми волосами, заплетенными в косичку, и в пастельных бриджах, которая скачет по асфальту, играя в лошадку, и я знаю, что эта девочка – я, но воспоминания кажутся чужими.

Она стискивает мои локти в последний раз и отпускает меня.

– Тейлор, – говорит она. – Ты идешь?

– Да, сейчас.

– Мы опоздаем.

– Я вас догоню.

Она закатывает глаза. Ее подружки подходят к нам, и она ведет их к корпусу английского.

Тейлор откашливается. Поглядывает то на меня, то на свой скейт.

– Надеюсь, это не прозвучит бестактно, но... как она это сделала?

У меня подкашиваются колени. «Если у кареглазого мужчины и кареглазой женщины родится ребенок, у этого ребенка, скорее всего, будут карие глаза», – думаю я. Главный вход прямо перед нами, футбольное поле – слева. Я засовываю руку в карман и нащупываю расписание. Как и в последние два года, первым уроком у меня фотография. Усилием воли я заставляю себя пошевелиться. Я отступаю на траву, прочь от Тейлора, и бормочу: «Мне надо идти». Я представляю, как мисс Дилейни ждет меня, как она поднимается с места, когда я вхожу в кабинет, и, не замечая других учеников, подходит ко мне. Я представляю, как она касается моего плеча, и меня переполняет облегчение.

3

Я не разговаривала с мисс Дилейни с тех пор, как это произошло. Может быть, она извинится перед классом, отведет меня в подсобку кабинета, и мы сядем с ней и будем говорить о том, как несправедлива жизнь. Она не станет спрашивать, в порядке ли я, потому что для нас этот вопрос не имеет ни-

какого смысла. Она посвятит урок лекции о том, каким печальным будет этот год. В память об Ингрид темой первого проекта станет утрата, и еще до того, как я сдам свою фотографию, все будут знать, что это самая трогательная, душевраздирающая работа в классе.

В толпе одноклассников я захожу в кабинет. Там светлее и прохладнее, чем раньше. Мисс Дилейни стоит у доски – как всегда, безупречна в своих отутюженных брюках и черной водолазке без рукавов. Мы с Ингрид пытались представить ее в повседневной жизни: как она выносит мусор, бреет подмышки и так далее. Между собой мы называли ее по имени. «Представь, – говорила Ингрид, – как Вена в трениках и растянутой футболке просыпается в час дня с похмельем». Я пыталась представить, но ничего не получалось. Вместо этого я видела, как она сидит в шелковой пижаме на залитой солнцем кухне и попивает эспрессо.

Несколько человек уже заняли места. Когда я вхожу, мисс Дилейни бросает взгляд на дверь и тут же отворачивается – это как яркая вспышка, которая бьет по глазам. Я жду на пороге, давая ей возможность посмотреть снова, но она не двигается с места. Может, она ждет, чтобы я подошла к ней сама? За моей спиной начинает скапливаться народ, и я делаю несколько шагов вперед и останавливаюсь у шкафа с книгами по искусству, пытаюсь сообразить, что делать.

Она не могла меня не заметить.

Одноклассники обходят меня с обеих сторон, и мисс Ди-

лейни здороваается с каждым и улыбается, а меня, стоящую в нескольких шагах от нее, игнорирует. Я не понимаю, что происходит, но чувствую, что тону в толпе, поэтому выхожу вперед и встаю перед ней.

– Здравствуйте, – говорю я.

Ее темные глаза, скрытые за очками в красной оправе, скользят по мне.

– Добрый день.

Она произносит эти слова так равнодушно, словно едва меня знает.

На нетвердых ногах я прохожу к парте, за которой сидела в прошлом году, открываю блокнот и делаю вид, что чрезвычайно увлечена чтением. Может быть, она ждет, пока все рассядутся и урок начнется, чтобы сказать несколько слов об Ингрид. Последние из учеников заходят в кабинет, и я при-
творяюсь, что не замечаю пустующего места рядом со мной – места, где раньше сидела Ингрид.

Звенит звонок.

Мисс Дилейни обводит нас взглядом. Я жду, пока она посмотрит на меня, улыбнется, кивнет, сделает *хоть что-нибудь*, но кабинет словно заканчивается справа от меня. Она улыбается всем, но я для нее не существую. Она явно не хочет меня видеть, и я не имею ни малейшего понятия, как мне поступить. Я бы собрала вещи и ушла, но мне некуда пойти. Хочется залезть под стол и спрятаться, пока все не уйдут.

На стенах кабинета вывешены наши выпускные работы с

прошлого года. Ингрид единственная, у кого мисс Дилейни взяла целых три фотографии. Все они висят в ряд, по центру стены. Одна из них – это пейзаж: два каменистых склона, поросших колючим кустарником, и извилистый ручей между ними. Вторая – натюрморт с разбитой вазой. А третья – мой портрет. Освещение очень контрастное, а выражение моего лица похоже на гримасу. Я не смотрю в камеру. Когда Ингрид проявила этот снимок в лаборатории, мы с ней отступили на полшага, наблюдая за тем, как на влажной бумаге проступает мое лицо, и Ингрид сказала: «Это же ты, на сто процентов». А я ответила: «О боже, и правда», хотя с трудом себя узнала. Я смотрела, как под глазами залегают тени, а в углу рта образуется незнакомый изгиб. Это была я, но жестче, суровее меня обычной. Вскоре я смотрела на совершенно незнакомое лицо, ничуть не напоминающее девочку из хорошего района, у которой любящие родители и отдельная ванная комната.

Возможно, это было предзнаменование, потому что теперь я понимаю эту фотографию куда лучше.

Своих работ я сперва не вижу вовсе, но потом замечаю одну. Видимо, мисс Дилейни сочла ее бездарной, раз повесила в таком месте – в единственном темном углу кабинета, над радиатором, который выступает из стены и загораживает часть снимка. Ингрид потрясающе рисовала – так, что любой предмет выходил у нее красивее, чем в жизни, – но я думала, что фотографировать нам с ней удастся одинаково хорошо.

Когда я делала этот снимок, я была уверена, что это будет шедевр. Мы с Ингрид ехали на скоростном поезде в гости к ее старшему брату, который живет в Сан-Франциско. Дорога была долгая, потому что мы живем в глубоком пригороде. Когда мы проезжали Окленд, случилась какая-то задержка, и некоторое время поезд стоял на путях. Двигатель замолчал. Пассажиры заерзали на местах, устраиваясь поудобнее. Я выглянула из окна: за автострадой на фоне пронзительно-голубого неба теснились ветхие жилые дома и огромные заводы. Я сделала снимок. Но, наверное, вся красота заключалась в цветах. В черно-белом исполнении фотография получилась унылая, и мисс Дилейни, скорее всего, права: кто захочет на такое смотреть? И все же видеть ее запрятанной в угол ужасно стыдно. На стене висит миллион фотографий, но мне кажется, что моя окружена яркой неоновой рамкой. Как бы незаметно снять ее со стены?

Весь урок мисс Дилейни улыбается, рассказывая, как много ожидает от своих талантливых учеников; улыбается так сильно, что у нее, наверное, болят щеки. Древние часы на стене у меня за спиной тикают мучительно медленно. Я вглядываюсь в них несколько секунд, мечтая, чтобы урок поскорее закончился, и замечаю шкафчики в дальней части кабинета. Свой я в прошлом году так и не разобрала, потому что пропустила последнюю неделю учебы.

Мисс Дилейни записывает на доске термины для повторения: *диафрагма, экспонометр, выдержка*. Меня охваты-

вает волнение; я думаю о вещах в своем шкафчике. Я знаю, что там лежат мои старые фотографии; среди них могут быть снимки Ингрид. Я снова оборачиваюсь на часы – минутная стрелка едва сдвинулась с места. Конечно, следует дожидаться окончания урока, но сейчас вежливость заботит меня меньше всего. В конце концов, мисс Дилейни ведет себя не слишком вежливо. Так что я отъезжаю на стуле от стола, не обращая внимания на противный скрежет металлических ножек, и встаю. Пара человек оборачивается посмотреть, что происходит, но, увидев, что это я, они быстро отводят глаза, словно случайный зрительный контакт может их убить. Мисс Дилейни продолжает говорить, как будто ничего не произошло и она вовсе не игнорирует тот факт, что Ингрид нет. Она не сбивается, даже когда я подхожу к своему шкафчику и начинаю вынимать фотографии. Я настолько опьянена собственной смелостью, что не возвращаюсь на место сразу, а разглядываю старые снимки, о существовании которых успела забыть. Среди них есть несколько фотографий, сделанных Ингрид, – я хотела снять с них копии, – и я перебираю их, пока не нахожу любимую: травянистый холм с мелкими полевыми цветами, голубое небо. Ничего безмятежнее просто невозможно представить. Это место из сказки, место, которого больше нет.

Я разворачиваюсь, сжимая в руках фотографии своей старой жизни и испытывая непреодолимое желание кричать. Я представляю, как делаю это – так громко, что элегантные оч-

ки мисс Дилейни разбиваются, фотографии слетают со стены и весь класс гложет. Тогда-то ей придется на меня посмотреть. Но я лишь возвращаюсь на свое место и опускаю голову на прохладную поверхность стола.

Звенит звонок, и кабинет постепенно пустеет. Мисс Дилейни прощается с некоторыми из учеников, но я для нее по-прежнему невидима.

4

Вот о чем я думала все сегодняшнее утро.

Первый год старшей школы. Первый урок. Я села рядом с девочкой, которую никогда раньше не видела. Она что-то писала в дневнике, украшая текст завитушками. Когда я села рядом, она взглянула на меня и улыбнулась. Мне понравились ее сережки. Красные, в виде пуговиц.

Утро мы провели в спортивном зале, слушая приветственную речь директора. У мистера Нельсона было круглое лицо, маленький рот и огромные глаза. Он уже начал лысеть, и остатки его волос росли какими-то клоками. Если представить человека, похожего на сову, это и будет мистер Нельсон. Я ощущала себя потерянной, зал казался бесконечным, и даже мои бывшие одноклассники воспринимались как незнакомцы. А потом я пошла в кабинет фотографии, и, хотя я никогда в жизни не занималась пленочной съемкой и почти ничего не знала об этом искусстве, в кабинете мисс Дилейни

мне стало гораздо спокойнее. Мисс Дилейни назвала первое имя и продолжила зачитывать список, делая пометки. Время тянулось медленно. Я увидела, как моя соседка вырвала из дневника страницу и что-то написала. Она пододвинула листок ко мне. На нем было написано: «И так четыре года? Вот это мы влипли».

Я схватила ручку и попыталась придумать что-нибудь остроумное. Я чувствовала себя другим человеком. Смелее прежней себя. У меня на запястье были браслеты из стеклянных бусин, которые звенели, когда я шевелила рукой.

«Если бы ты могла пойти на свидание с кем угодно в школе, кого бы ты выбрала?» – написала я.

Она тут же ответила: «Директора Нельсона, естественно. Он просто огонь!»

Я не смогла сдержать смех. Я постаралась замаскировать его под кашель, и мисс Дилейни, оторвав взгляд от списка, заметила, что считает нас взрослыми людьми, которым не нужно отпрашиваться, чтобы выйти в туалет или выпить воды.

Так я и сделала. Я вышла из кабинета, наслаждаясь своими выпрямленными волосами, новыми джинсами и звоном браслетов. Я наклонилась к питьевому фонтану с холодной водой и, пока пила, думала: «Вот оно. Начало настоящей жизни». А когда я вернулась на место, передо мной лежала новая записка: «Я Ингрид».

«Я Кейтлин», – написала я в ответ.

И мы стали друзьями. Вот так просто.

5

Последним уроком у меня английский с мистером Робертсоном. Когда я вхожу в кабинет, он не пытается ничего изображать. Он просто кивает мне, улыбается и говорит:

– С возвращением, Кейтлин.

Генри Лукас, самый популярный парень в одиннадцатых классах и при этом самый неприятный, сидит в дальнем углу, демонстративно не замечая подружек Алисии. Ангел ерошит его черные волосы длинными розовыми ногтями.

– Ты ведь устраиваешь в пятницу тусу? – спрашивает Испорченная Девчонка.

Генри устраивает их постоянно, потому что его родители, владельцы риелторской компании, вечно в разъездах – участвуют в совещаниях и становятся все богаче. Когда они возвращаются в город, то организуют благотворительные приемы, от которых мои родители, как правило, стараются отвертеться. Их лица можно видеть на рекламных щитах и в вестнике родительского клуба: мать всегда в безупречном черном костюме, отец с неизменными атрибутами – клюшками для гольфа и самодовольной улыбкой.

Испорченная Девчонка присоединяется к Ангелу и тянет Генри за волосы. Он смотрит прямо перед собой, криво улыбаясь, но не останавливает их. Я выбираю место подальше

от них, у самой двери.

Мистер Робертсон начинает переключку:

– Мэттью Ливингстоун?

– Здесь.

– Валери Уотсон?

– Тут! – щебечет Ангел.

– Дилан Шустер?

Это имя я слышу впервые. Никто не отзывается. Мистер Робертсон поднимает глаза.

– Дилан Шустер нет?

Дверь передо мной открывается, и в кабинет заглядывает девушка. Ее лицо мне незнакомо, а наша школа достаточно мала, чтобы я знала в ней всех. Ее темные, почти черные волосы взъерошены, но не элегантно, как у многих девушек, а так, будто ее ударило током. Густой слой черной подводки смазан, живые глаза быстро оглядывают кабинет. Она явно пытается решить, входить ей или нет.

– Дилан Шустер? – спрашивает мистер Робертсон снова.

Новенькая смотрит на него; ее глаза удивленно распахиваются.

– Ого, – говорит она, – как вы угадали?

Он смеется, и Дилан уверенным шагом заходит в кабинет. Через плечо перекинута вместительная сумка, в руке – стакан с кофе. Тонкая футболка с одной стороны порвана и скреплена булавкой. На ней невообразимо узкие джинсы, и вся она очень высокая и худая. Ее ботинки тяжело бухают

по полу, пока она идет в конец кабинета. Я не оборачиваюсь ей вслед, но представляю, как она садится в дальнем углу. Наверняка развалилась на стуле как у себя дома.

Закончив переключку, мистер Робертсон встает и, прогуливаясь между рядами, рассказывает, чем мы будем заниматься в этом году.

6

Я стою одна на потертом зеленом линолеуме корпуса естественных наук и вдыхаю затхлый воздух. Тейлор и остальные популярные ребята, скорее всего, заняли шкафчики в вестибюле английского. В прошлом году мы с Ингрид выбрали корпус иностранных языков, который стоит рядом с английским – не совсем в изоляции, но без навязчивого духа школьной жизни. Научный корпус мало кто выбирает добровольно. Он стоит в стороне, и в нем нет ничего, кроме кабинетов, никакой общественной жизни. Мне бы хотелось, чтобы он оставался пустым всегда.

Запирать шкафчик, в котором нет ничего, кроме воздуха, кажется неправильным. Я подумываю подождать, пока у меня не появится какое-нибудь имущество, но место слишком хорошее, чтобы его упускать: самый северный шкафчик в самом северном здании «Висты». Двери выходят прямо на улицу. Перейти дорогу – и ты уже за территорией школы. И, вероятно, именно возможность побега наводит меня на иде-

альный способ застолбить шкафчик.

Скотча у меня нет, поэтому я откусываю кусок жвачки, жую пару секунд и прилепляю к обратной стороне пейзажа Ингрид. Внутри шкафчика висит мутное прямоугольное зеркало, покрытое царапинами. Я избегаю смотреть на свое отражение, но краем глаза вижу гладкие каштановые волосы и веснушки. Мое лицо потускнело и осунулось. Я прилепляю фотографию поверх зеркала, и отражение пропадает. Остается только красивый спокойный холм.

Кто-то встает рядом, привалившись к соседним шкафчикам спиной. Дилан. Вблизи ее волосы еще взъерошеннее. Тут и там пряди падают на лицо.

– Здорóво, – говорит она.

– Привет.

Она рассматривает меня так долго, что я начинаю подозревать неладное – чернила на лбу или что-нибудь в этом духе. Потом она улыбается какой-то странной улыбкой. Вроде как насмешливо, но по-доброму. Перед тем как уйти, она, порывшись в сумке, выуживает замок и цепляет его на пустой шкафчик по соседству с моим. Потом уходит, грохоча ботинками, и я снова остаюсь одна. Я медленно закрываю дверцу, прислушиваясь к скрипу петель, и цепляю на шкафчик замок. «Я твой», – говорит его негромкий щелчок.

Я успеваю отойти от школы на несколько шагов, когда рядом со мной останавливается мамин «вольво».

Она высовывается из окна и кричит: «Кейтлин!» – как будто я могла не заметить родную мать, как будто универсал, который она водит, сколько я себя помню, и наклейка «ПАТ-РИОТЫ ЗА МИР» на бампере не намекнули мне, что это она. Я неловко подбегаю к ней, пока другие ребята проезжают мимо на своих машинах, чтобы затусить в «Старбаксе» или торговом центре. Я забрасываю рюкзак на пассажирское сиденье и забираюсь следом.

– Почему ты не на работе? – спрашиваю я, сползая пониже, чтобы не привлекать внимания.

Маму зовут Маргарет Картер-Мэдисон – с таким именем ей следует быть как минимум президентом, но, хотя руководит она всего лишь маленькой начальной школой, всем постоянно что-то от нее нужно. С чем только не приходится иметь дело моей маме: родители, одержимые развитием своего шестилетки; миссис Смит, древняя руководительница пятого класса, которая убеждена, что динозавров никогда не существовало; регулярные эпидемии вшей – порой я просто не понимаю, как она умудряется сохранять спокойствие в любой ситуации. Говорит она тихо, поэтому в разговоре с ней приходится напрягать слух, а на театральных постанов-

ках малышей она не сидит в зрительном зале, изображая интерес, а аккомпанирует им на фортепиано. Она ужасно радуется каждому выступлению, хотя песни каждый год одни и те же.

Она не отвечает на мой вопрос, и я говорю:

– Я думала, если ты уедешь из школы до семи, произойдет какая-нибудь катастрофа.

– Но ведь это твой первый день нового учебного года, – говорит она, слегка пережимая с жизнерадостностью.

– И что?

– Я подумала, может, нам сходить в наш любимый японский ресторанчик? Ты прошла экватор старшей школы. Это надо отметить.

Мне становится не по себе. Я не понимаю, чего ради она так усердствует. *Наш любимый японский ресторанчик?* В последний раз мы были там в моем детстве. Мы туда заходили, когда она еще не была директором школы и не работала сутки напролет, когда я еще могла заказать детское бэнто. Я не знаю, как себя вести, поэтому открываю бардачок и начинаю в нем копаться, просто чтобы занять руки. Коробок «Тик-така». Старые солнечные очки. Руководство по эксплуатации автомобиля.

Я закидываю «Тик-так» в рот и предлагаю ей. Она берет одну штучку. Я продолжаю поедать драже одно за другим, перемалывая его в мятную пыль. К тому времени, как мы подъезжаем к ресторану, коробок пустеет. Я убираю его об-

ратно в бардачок и выхожу из машины.

Время – ни туда ни сюда: для обеда слишком поздно, для ужина слишком рано. Мы с мамой единственные посетители – хуже не придумаешь. Когда в ресторане больше никого нет, я начинаю думать, что, если бы не мы, официанты бы ели, болтали по телефону, включили бы музыку погромче, а мы своим присутствием лишаем их отдыха. Особенно я ненавижу, когда они караулят в углу, чтобы долить воды в опустевшие бокалы. От такого мне становится совсем грустно.

Мы изучаем меню, делаем заказ и разливаем чай из горячего металлического чайника в крошечные чашечки, и все это время мама готовится что-то сказать. Не знаю, как именно я это поняла, но ощущение витает в воздухе. Она смотрит на меня и улыбается.

– С кем ты сегодня обедала в школе?

Я беру крошечную чашечку и делаю глоток. Слишком горячо. Я отодвигаю ее в сторону и смотрю на мокрый круг, оставленный на бумажной подложке.

– Угадай.

Она молчит.

– Ну давай. Это же очевидно.

– Для меня не очевидно.

Я закатываю глаза.

– *Очевидно*, что я обедала одна.

Жизнерадостное настроение мамы улетучивается.

– Кейтлин.

Она произносит мое имя постоянно, но на этот раз – по-другому. На этот раз она звучит разочарованно, как будто у меня был выбор, как будто целая толпа выстроилась в очередь, чтобы поесть со мной, а я решила обедать в одиночестве.

– Что? – огрызаюсь я, но она молчит.

Через пару секунд официант приносит наш заказ. Я смотрю на свое громадное бэнто с горой темпуры, курицей в соусе терияки и роллами «Калифорния» и немного жалею, что нельзя, как раньше, заказать детское бэнто. Все то же самое, только порции поменьше. Я съедаю одну морковку в кляре и чувствую, что наелась.

– Марджи – это моя подруга с работы – знает хорошего психотерапевта. Ее дочка к ней ходит.

– А что не так с дочкой Марджи?

– Все так. Просто, как и у тебя, у нее сейчас трудный период.

– Ах, – протягиваю я саркастично, – *трудный период*.

Мама потягивает чай. Я кусаю ролл, и по подбородку течет соевый соус. Я промокаю его салфеткой – надеюсь, официант не стоит поблизости, глядя на нас.

– Не пойду я к психологу.

Мама грустно разглядывает свой рисовый боул. Интересно, о чем она думает.

До конца обеда мы почти не разговариваем, и мне немного жаль, что так вышло, но ведь она сама подняла эту тему.

Не думает же она, что я буду рада любому ее предложению только потому, что она сводила меня в ресторан.

8

В пятницу вечером я сижу за столом с родителями и молча поглощаю ужин. Папа расспрашивает меня о первой неделе в школе тем же жизнерадостным тоном, которого уже много дней придерживается мама. Я отвечаю односложно, ожесточенно накалывая пасту на вилку. Скоро они начинают разговаривать между собой, и я выключаюсь из беседы. Когда я понимаю, что больше не выдержу, я встаю, скидываю недоеденную пасту в раковину и ставлю тарелку в посудомойку.

Я забираюсь на заднее сиденье своей машины и упираюсь коленями в распотрошенные чехлы. Я должна была получить права еще три месяца назад, но вместо того чтобы выполнять развороты в три приема, я смотрела, как гроб моей лучшей подруги опускается в землю. А теперь я не могу заставить себя позвонить в инспекцию и договориться о новой дате экзамена.

Машина настолько старая, что в ней установлен только кассетный проигрыватель. Кассета у меня одна. К счастью, это хорошая кассета. Брат Ингрид, Дэйви, как-то записал ее мне на день рождения. Это сборник с композициями незнакомых мне инди-групп. Песни незаметно перетекают одна в

другую, но все они одинаково хороши. Я поворачиваю ключ зажигания, и из колонок рвется надрывный мужской голос. Пару минут спустя к машине выходит папа.

– Тебе что-нибудь задали на дом? Если сделаешь домашку сейчас, все выходные сможешь отдыхать.

– Нет, – лгу я.

Он поднимает повыше мой рюкзак, который держит в руке.

– Прихватил на всякий случай.

Немного помедлив, я достаю учебник математики и бумагу. Кассета переворачивается. Негромко играет гитара, женский голос начинает петь, мужской подхватывает. Красиво. Я пытаюсь решить задачу, но в машине нет калькулятора. Мне вдруг хочется, чтобы зазвонил телефон. Я представляю, как мама выходит с беспроводной трубкой и передает ее мне через окно машины. Я бы легла на сиденье. Слушала. Отвечала. Рассказала бы что-нибудь интересное. Но единственной, кто мне звонил, была Ингрид, поэтому я знаю, что это невозможно. Я выкручиваю музыку на максимум. Вся машина вибрирует, а колонки шипят и потрескивают, как будто у меня плохо ловит радио.

Я сбрасываю вещи с сиденья и вытягиваюсь в полный рост. Через люк в крыше видно темнеющее небо. Я представляю, что телефон лежит на сиденье рядом с моим ухом.

В чем была Вена в первый день? – спрашивает Ингрид.

Я не обратила внимания.

Ага, как же. Наверняка в чем-нибудь новом.

Она вела себя так, будто мы с ней незнакомы. Ее одежда интересовала меня в последнюю очередь.

Представь, как она чистит кошачий лоток.

Ты слышала, что я сказала? Всю неделю она вела себя так, будто ненавидит меня.

О боже, я придумала: представь, как она находит в холодильнике заплесневелые остатки еды.

Не хочу.

Как там без меня? Ты пряталась на большой перемене в библиотеке, вместе с ботанами?

Вообще-то я обедала с Алисией Макинтош. Она подарила мне топ с надписью «МИЛОСТЫНЯ» и сказала, что если я буду носить его каждый день, то она позволит мне ходить с ней и занимать ей очередь в столовой за диетической коллой.

Ты скучала по мне?

Почему ты спрашиваешь?

Я хочу знать.

А то ты не знаешь.

Я хочу, чтобы ты это сказала. Мне будет приятно.

Иди в жопу.

Да ладно тебе. Скажи.

У окна машины возникает мама. Она машет рукой, привлекая мое внимание. Я не двигаюсь с места. Она показывает на часы – это значит, что уже поздно и она хочет, чтобы я вернулась в дом. Я продолжаю лежать. Закрываю глаза, меч-

тая, чтобы она отошла от машины. Я пока не готова.

Надрывный юноша возвращается – выходит, прошло полтора часа, – и я зажмуриваюсь крепче и слушаю. Его гитара становится настойчивее, а голос дрожит. У него разбито сердце.

9

Меня будит стук в окно. Ночью я снова выбралась из дома и спала в машине.

– У меня для тебя сюрприз, – сияя, говорит папа; через стекло его голос звучит приглушенно. – Тут, во дворе.

– Какой? – Я так устала, что с трудом ворочаю языком.

– Иди посмотри, – нараспев говорит он.

Я снимаю блокировку и выхожу на солнечную улицу. Во рту стоит неприятный привкус.

Папа закрывает мне глаза ладонью и помогает обойти машину. Сквозь тонкие подошвы тапочек чувствуется гравий подъездной дорожки, каменные плиты, которыми выложена дорожка вдоль дома, и, наконец, трава. Мы стоим на заднем дворе. Сам дом ничем не отличается от других. Как и большинство домов в Лос-Серросе, он большой, новый и непримечательный, но мне нравится наш двор. Узкая тропинка огибает овощные грядки и цветочные клумбы, на которых родители могут часами возиться по выходным. Больше всего мне нравится, что, если встать на тропинке спиной к дому, не

видно даже забора. Двор огромный, с неровным рельефом, а в дальнем его конце растут старые дубы.

Папа убирает руку с моих глаз и указывает на огромную кучу древесины на кирпичной террасе, отделяющей дом от огорода, – толстые доски не меньше десяти футов в длину. Он стоит перед этой кучей и только что не лопается от гордости, как будто купил мне дом на Фиджи и частный самолет, чтобы туда долететь.

– Это доски, – говорю я растерянно.

– Они уже отшлифованы. И еще я купил тебе шикарную пилу. Обещали доставить в понедельник.

– И что мне с ними делать?

Он пожимает плечами.

– Не знаю, – говорит он. – Это ведь ты у нас плотник.

Мои родители вбили себе в голову, что у меня талант, потому что когда-то давно я ездила в ремесленный летний лагерь и сделала там маленькую деревянную стремянку, которая вышла довольно неплохо.

– Это было миллион лет назад, – напоминаю я папе. – Мне было двенадцать.

– Главное – начать, а руки сами вспомнят, как это делается.

– Тут очень много досок.

– Привезу еще, если будет нужно. Никаких ограничений.

Я могу только кивать: вверх-вниз, вверх-вниз. Конечно, я понимаю, что происходит. Я слышала, как родители гово-

рят обо мне, и знаю, как они беспокоятся. Вероятно, затаившись с досками задумывалась как альтернатива психотерапии. Папа считает, что это отличный подарок, который отвлечет меня от мыслей о никчемности жизни.

Он с надеждой смотрит на меня, ожидая реакции. Наконец я подхожу к груде досок и провожу пальцами по верхней. Постукиваю по дереву костяшками. Я чувствую, что он наблюдает за мной. Я поднимаю голову и заставляю себя улыбнуться.

– Супер, – говорит он, как будто мы приняли какое-то решение.

– Ага, – отвечаю я, как будто понимаю его.

10

Когда мы с Ингрид впервые сбежали с уроков, стоял холодный хмурый день. Мы ушли на большой перемене, и я была уверена, что нас поймают, но этого не случилось.

Отойдя от школы на безопасное расстояние, мы начали подниматься по холму туда, где, заглядывая друг другу в окна, теснятся многоэтажки. На улице стояла необычайная тишина.

– Кафе или торговый центр? – спросила Ингрид.

– В торговом центре слишкомлюдно. – Я пнула несколько камешков на дорожке, поднимая пыль.

Когда мы поднялись на вершину холма, Ингрид выбежала

на середину пустой улицы. Она повернулась ко мне, раскинув руки; ветер трепал ее волнистые волосы, закрывая лицо. Она начала кружиться на месте. Ее красная юбка вздулась колоколом. Ветер усилился, и она ускорила так, что превратилась в размытый вихрь. Остановившись, она согнулась пополам.

– О боже, – хохотала она, – о боже, моя голова.

Она попыталась дойти до меня, но зашаталась и рассмеялась еще сильнее.

– Психованная, – сказала я.

Из переулка между домами вышла женщина средних лет и зашагала в нашу сторону, и у меня екнуло сердце. Но она прошла мимо, ничего не сказав. Мы стояли на вершине холма, и нам некуда было пойти.

Я развернулась.

– Смотри, – сказала я.

Под нами, у подножия холма, виднелось несколько прямоугольных коробок – наша школа. И хотя мы знали, что другие ребята готовятся к тестам, целуются и волнуются друг за друга, в тот момент они казались совсем крошечными, как разноцветные песчинки, снующие туда-сюда.

– Какое приятное ощущение, – сказала Ингрид.

День был пасмурный, и у меня возникла идея.

– Спорю на что угодно, в парке сейчас никого.

И я оказалась права. Когда мы добрались до парка, газон, где обычно носилась малышня, пустовал. Никто не катался

с горки, не болтался на турниках. Убедившись, что у песочницы тоже никого нет, Ингрид взяла меня за плечи.

– Друг мой, – сказала она, – ты гений.

Она кинулась к качелям, а я за ней. Я плюхнулась на резиновое сиденье и начала раскачиваться изо всех сил. Мы взлетали под облака, рассекая воздух, и перекрикивались, вместо того чтобы говорить нормально, – из-за ветра и потому, что нас все равно никто не мог услышать. Мы взлетали так высоко, что, казалось, в любую секунду можем сделать полный оборот. У Ингрид на шее висел фотоаппарат, и она прижала его к груди одной рукой, чтобы он не слетел.

Над нами нависали низкие тяжелые облака. Потом небо стало насыщенно-серым, и начался дождь.

Прежде чем спрятать фотоаппарат под куртку, Ингрид сфотографировала меня на качелях, но, если и проявила потом этот снимок, мне не показала.

Вскоре начало лить как из ведра. Холод был приятен, и мы продолжали качаться, пока не вымокли насквозь; мы смеялись и болтали о чем-то, но о чем – я вспомнить не могу, как бы ни пыталась.

11

Мисс Дилейни стоит перед нами с улыбкой, накрепко приклеенной к лицу.

– Сегодня, – говорит она, – я побеседую с каждым из вас

по отдельности, чтобы помочь вам определиться с творческими целями на этот семестр.

Она обводит кабинет взглядом – видно, прикидывая, стоит ли кто-то из нас ее драгоценного времени. В другой своей жизни она настоящий фотограф. Как-то раз мы с Ингрид посетили открытие ее выставки в крошечной галерее в городе. Мы оказались единственными из ее учеников: она немногим рассказала о предстоящем событии. Гости пришли в элегантной одежде, был даже фуршет с шампанским, виноградом и сыром бри. Всю дорогу до города мы пытались угадать, какими будут ее работы.

Заметив нас, она извинилась перед мужчиной, с которым разговаривала, и подошла к нам. Обняла нас энергично и крепко – так, будто делала это миллион раз. Она представила нас как одних из самых одаренных своих учениц, и мы с Ингрид, чтобы не подвести ее, сыпали именами знаменитых фотографов, о которых она рассказывала на уроках. На всех ее фотографиях были запечатлены части куклы, разбросанные по яркой ткани. Фарфоровые ручки, ножки и туловища – но в основном головы. Не знаю, чего я ожидала, но определенно не этого. Фотографии были красивые, но слегка жутковатые.

Побывав там и увидев, как она пьет шампанское и непринужденно общается с ценителями ее творчества, я поняла, насколько незрело в ее глазах выглядим мы. Все, кроме Ингрид, у которой действительно был талант. Так, в прошлом

году мисс Дилейни дала нам задание: каждый должен был сфотографировать что-нибудь значимое для себя. Думаю, она ожидала увидеть в наших снимках какой-нибудь глубокий смысл – уж не знаю какой, – потому что, когда она начала прогуливаться по рядам, чтобы посмотреть, что мы наснимали – бейсбольную перчатку на траве, помпоны для чирлидинга на полу спортзала, – она чуть не сорвалась. Улыбка испарилась с ее лица. Она села за свой стол, закрыла лицо ладонями и до конца урока не проронила ни слова.

Сегодня мисс Дилейни явно настроена более оптимистично. Она по очереди подзывает нас к своему столу. Я сижу в дальнем правом углу кабинета – разумеется, одна. Она начинает с Акико, сидящей в левом переднем углу. Наверное, надеется, что урок закончится, прежде чем она доберется до меня. Я кладу голову на стол и закрываю глаза.

Я просыпаюсь сорок минут спустя.

Мир звучит приглушенно: я не сразу понимаю, где нахожусь, а поняв, сгораю от стыда оттого, что заснула на уроке. Но, подняв голову, я понимаю, что ничего не изменилось: все продолжают сидеть на местах, а мисс Дилейни разговаривает с Мэттом, и я просто закрываю глаза и слушаю гул голосов. Меган и Кэти пишут друг другу записки, и время от времени до меня долетает их «Офигеть!» и «Да ладно?!». Дастин и Джеймс вполголоса обсуждают новый скейт-парк.

Я слышу, как Кэти важно произносит:

– Мама Генри была их риелтором, когда они покупали

дом, и она сказала Генри, что семья у них приятная, но вряд ли впишется в наш коллектив.

– Я слышала, что она *лесбиянка*, – говорит Меган. Судя по тону, с которым она произносит это слово, для нее это равносильно «Я слышала, что она копается в мусорных баках и питается объедками».

– Я тоже слышала, – шепчет Лулу. – Говорят, ее выгнали из прежней школы, потому что застукали с другой девчонкой в туалете.

Я понимаю, что они обсуждают Дилан, и почему-то их болтовня меня раздражает.

– Простите, но некоторые здесь пытаются спать, – говорю я, мрачно глядя на них.

Они смотрят на меня, потом переглядываются. На секунду они замолкают. Меган проводит ладонью по аккуратно уложенным каштановым волосам. Кэти застегивает перламутровую пуговицу на кофте. Они похожи на миниатюрные копии своих матерей.

– Кейтлин? – Мисс Дилейни оглядывает кабинет так, словно назвала случайное имя из списка и не знает, кто я.

– Я тут.

– Подойди сюда, пожалуйста.

Я смотрю на часы. Меньше двух минут до конца урока.

Я встаю и подхожу к ее столу. Перед ней лежит папка с моими прошлогодними работами, и она смотрит на них через свои маленькие очки. Она вздыхает, заправляет за ухо

прядь гладких черных волос.

– В этом семестре тебе обязательно нужно поработать над цветом. Посмотри сюда, – говорит она.

Но я смотрю не на работу, а на нее. Она этого даже не замечает.

– Видишь? Совсем нет контраста. Если перевести это изображение в черно-белую гамму, ты увидишь, что все цвета одинаково серые. Это делает фото скучным.

Я продолжаю смотреть на нее, а она продолжает смотреть на мою фотографию. В прошлом году она вела себя иначе. Может, она и уделяла Ингрид больше внимания, но меня она никогда не игнорировала.

Она перебирает фотографии.

– Композиция у тебя бывает удачная, но... – Мисс Дилейни качает головой. – Даже тут есть над чем поработать.

«Иди на хер, Вена, – хочется сказать мне. – Ты поставила мне отлично за эти снимки – выходит, в прошлом году тебя все устраивало». Но я молчу. Молчу и жду, когда она поднимет на меня глаза и увидит мой свирепый взгляд. Звенит звонок. Она смотрит на часы, потом снова на фотографии и спрашивает:

– Договорились?

– О чем договорились?

– До свидания.

Я качаю головой.

– А как же мои цели? – спрашиваю я. Я лишь хочу, чтобы

она посмотрела на меня.

— Цвет, — говорит она, не поднимая головы от моих снимков. — Композиция.

Я собираюсь спросить ее, что она имеет в виду, как мне стать лучше, с чего начать. Но она уже встала и идет в свою подсобку. За ней закрывается дверь.

12

Я шагаю к корпусу естественных наук с холодным куском жирной пиццы в руке. Во дворе я замечаю Джейсона Майклса. В нашей школе чернокожих ребят немного, и он выделяется. К тому же он очень популярен: он звезда легкой атлетики и пробегает милоу за 4:20. Мы ходили вместе в среднюю школу, в шестом классе у нас был общий кабинет для внеклассных занятий, и из тех времен я помню только, как мы обсуждали расовую сегрегацию и учительница вдруг спросила Джейсона, как он относится к этому явлению. Спросила перед всем классом. Как будто шестиклассник, который всю свою жизнь прожил в «белом» пригороде, готов говорить за все темнокожее население Америки. В любом случае это был глупый вопрос. Что он мог сказать? «Знаете, я всецело ее поддерживаю. Хорошо, что таких, как я, не обслуживали в ресторанах и не пускали в общественные туалеты. Поделом им».

Джейсон делает шаг в мою сторону. Я не видела его так

близко уже несколько лет. У него светлые карие глаза – светлее, чем я думала. Гладкая кожа и маленький шрам на правой щеке.

Не припомню, чтобы мы с Джейсоном хоть раз разговаривали. Но кое-что я про него знаю, потому что он рассказывал Ингрид, а Ингрид мне. Например, его сестра учится в университете, и они часто созваниваются. Он живет с отцом. Он любит бегать, потому что во время бега можно разгрузить голову. Когда он тренируется, то слушает старые группы вроде «Джексон Файв».

А теперь он смотрит на меня так, будто мы знакомы.

И вдруг моя голова делается легкой, словно наполняется воздухом. Мне хочется поговорить. Джейсон открывает рот. Закрывает. Открывает снова.

– Привет, – наконец говорит он.

И это самое печальное «Привет» в моей жизни.

Мы медлим, но всего одно мгновение.

А потом расходимся в разные стороны.

13

Снова наступают выходные, и, хотя я знаю, что должна сейчас возиться с досками, которые ждали меня всю неделю, мне хочется одного: слушать музыку, не вылезая из постели. В голове крутятся песни, которые я хочу послушать, но мне каждый раз приходится вставать, чтобы переключить трек,

потому что я не могу найти пульт от проигрывателя. После двадцатого раза я наконец решаю его поискать. Под покрывалом его нет. Под горой одежды на моем комодe тоже, нет его ни на проигрывателе, ни на столе. Я опускаюсь на ковер и заглядываю под кровать. Засовываю в щель руку и шарю под кроватью, нахожу два разномастных носка, прошлогодний табель успеваемости, который спрятала от родителей, и что-то непонятное – твердое, плоское и пыльное. Я вытаскиваю этот предмет – может, выпускной альбом из начальной школы? – но, когда я вижу, что это, сердце пропускает удар. Помятые страницы, на черной обложке корректором нарисована птичка.

Дневник Ингрид.

Почему-то мне становится страшно. Меня разрывает надвое: одна часть больше всего на свете хочет его открыть, а другая обмирает от ужаса. Меня трясет.

Мог ли он завалиться под кровать случайно, когда Ингрид ночевала у меня?

Могла ли она спрятать его специально?

Она никогда с ним не расставалась. Знаю, это звучит глупо, но я немного к нему ревновала. Когда мне нужно было посоветоваться или выговориться, я просто звонила ей, поэтому никак не могла взять в толк, зачем ей нужен этот секретный блокнот. Но теперь я держу его в руках – держу так, будто это живое существо.

Я долго смотрю на него, ощущая его тяжесть, разглядывая

крыло птички, на котором корректор уже начал облезать. Когда руки наконец перестают дрожать, я открываю дневник. На первой странице она нарисовала себя: пшеничные волосы, голубые глаза, легкая улыбка с хитринкой. Она смотрит прямо перед собой. На заднем плане летят птицы. Она смазала их, чтобы подчеркнуть движение, а над рисунком написала: «Я воскресным утром».

Я переворачиваю страницу.

Читая, я слышу в голове жаркий шепот Ингрид, словно она делится со мной секретами.

Я ВОСКРЕСНЫМ

УТРОМ

дорогой дежурный!

можете позвонить моим родителям, оставить меня после уроков, заставить убирать столы в столовой. сегодня я не пошла на биологию. я ничего не могла с собой поделатъ. я была на пределе, мое сердце колотилось как ненормальное, меня начинало мутить от одной мысли о том, что я буду сидеть рядом с джейсоном. хотя это чуть ли не единственное, чего я всегда жду с нетерпением. я всегда думала, что влюбленность – это что-то приятное. но для меня это какая-то пытка. мы договорились встретиться с кейтлин, и я прошла мимо его шкафчика в корпусе английского, и он улыбнулся мне, и у меня оборвалось сердце. я сказала кейтлин, что нам нужно уйти, хотя знала, что ее пятый урок – единственный, который ей нравится, из-за мистера харриса, лучшего учителя в мире, которого у меня никогда не было. но она поняла, что я не шушу, потому что сразу посерьезнела и ушла со мной, не задавая лишних вопросов. вот почему я ее люблю. вот почему мне бы хотелось быть лучше, чем я есть. может, на этот раз вы меня простите? у вас приятное лицо и хреновая работа. может быть, у вас тяжелая жизнь, и вы просто хотите излить кому-нибудь душу. если вы не станете звонить моим родителям, обещаю, я не стану называть вас Штырем, как остальные, потому что буду знать, что вы вовсе не такой суровый, и я замедлю шаг, когда буду проходить мимо по

коридору, – на случай, если вам захочется поговорить.
ингрид

Я захлопываю дневник.

В комнате стоит невыносимая тишина.

Я хочу читать дальше, но не могу. Я пока не готова. Я убираю дневник в комод – не в верхний ящик, где принято прятать секретные дневники, а в один из нижних, к задней стенке, завалив сверху одеждой. Спустя пару минут я вынимаю его снова. Почему-то это место кажется неправильным. Я иду в гардеробную, которую выкрасила в фиолетовый пару лет назад, и кладу дневник на полку, а сверху ставлю коробку из-под обуви, в которой храню негативы.

Я встаю на пороге гардеробной и смотрю на полку. Я почти вижу, как коробка с негативами поднимается и опускается в такт дыханию дневника. Но это всего лишь дневник. Он не живой. Со мной что-то не так.

Час спустя я захожу в гардеробную и ощупываю дневник, чтобы убедиться, что он на месте.

После обеда я снова перепрятываю дневник. На этот раз я кладу его под кровать, ведь именно там он пролежал последние три месяца. Я пытаюсь делать домашнюю работу. Я пытаюсь смотреть телевизор. Но я могу думать лишь о дневнике Ингрид, который лежит в моей комнате – если, конечно, он все еще там. Что, если его найдут? Почему я не хочу его

читать? И почему я так уверена, что должна это сделать?

На следующее утро я, уже одетая, обутая и с убранными в неизменный хвост волосами, снова стою на пороге гардеробной. Я пытаюсь уйти, но не могу. Не потому, что не хочу, – мне кажется, будто что-то физически не дает мне выйти из комнаты без дневника. Я открываю рюкзак и нащупываю молнию внутреннего кармана. Он совсем небольшой, и я не уверена, что дневник поместится, но я беру его с полки, опускаю в карман, и он подходит просто идеально. Теперь он надежно спрятан от чужих глаз.

Я застегиваю рюкзак и закидываю его на спину. От дневника он стал гораздо тяжелее, но это приятная тяжесть.

14

Из проигрывателя мистера Робертсона доносятся голоса Джона Леннона и Пола Маккартни, снова и снова повторяющих слово «любовь». Он уменьшает громкость и закатывает рукава своего поношенного бежевого свитера.

– Когда я был маленьким, мои родители почти каждый вечер включали *All You Need Is Love*, – говорит он, присаживаясь на край стола и глядя на нас. – В то время я думал, что это просто песня, под которую здорово танцевать. Я запомнил слова, еще не понимая, что они значат. Мне просто нравилось подпевать. – Он берет со стола стопку бумаги и,

прогуливаясь между рядами, раздает нам листы. – Но если вы посмотрите на текст, то увидите в нем много элементов стихотворения.

Он кладет листок мне на стол, и я смотрю на его обручальное кольцо и поросшие волосами пальцы. Интересно, какая она, его жена. Танцуют ли они по вечерам под «Битлз» или другие старые группы? Я пытаюсь представить их дом и то, как он обставлен. Наверное, у них много комнатных растений, а на стенах висят картины, написанные их друзьями-художниками.

– Кейтлин, – мистер Робертсон улыбается мне, прерывая поток мыслей, – назови нам один из поэтических элементов в тексте этой песни.

– Сейчас, – говорю я. Я пробегаю глазами текст, но так спешу поскорее что-нибудь назвать, что смысл ускользает от меня. – Если взглянуть на текст, видно, что в нем есть... повторяющиеся мотивы.

– Прекрасно. Повтор. Бенджамин, что еще?

– Э-э... тема?

– Какая тема?

– Любви?

– Хорошо. А какая еще? Дилан?

Я бросаю на нее взгляд. Неужели ее правда выгнали из школы, потому что застукали с другой девчонкой? На ней те же черные джинсы, но футболка другая – голубая, с какой-то надписью, которую я не могу разобрать. Ее запястья укра-

шают широкие кожаные браслеты. Уперев локоть в стол, она держит перед глазами листок с текстом.

– Человеческий потенциал. Или самоопределение, – негромко говорит она.

– Прекрасно, – говорит мистер Робертсон. Он кивает. – Замечательно. – Устремив взгляд в потолок, он без слов напевает фрагмент песни. Кажется, на минуту он забывает, где находится.

Потом он поворачивается к нам.

– Домашнее задание: выберите песню, которая важна лично для вас. Я хочу, чтобы вы, во-первых, написали, какое место эта песня занимает в вашей жизни, а во-вторых, проанализировали ее текст так, как если бы это было стихотворение. Жду ваши работы до пятницы.

Я достаю из шкафчика учебник математики, когда Дилан подходит ко мне и спрашивает:

– Тут поблизости есть приличное кафе?

Мой секрет уже раскрыт: почти все шкафчики в научном корпусе заняты. До и после уроков в холле не стихает скрип петель и грохот закрываемых шкафчиков, голоса сорока человек, звон мобильных и топот ног. Я бросаю взгляд на Дилан – она разглядывает меня так же, как в первый день. Распушеванная подводка подчеркивает пронзительную зелень ее глаз. Она стоит совсем близко, и это странное ощущение. Не считая агрессивного участия Алисии, рядом со мной дав-

но не было людей.

– На Вебстер-стрит, – говорю я, – со стороны центра, есть пара неплохих мест.

Она смотрит на фотографию Ингрид с холмом, приклеенную к дверце моего шкафчика, наклоняет голову и прищуривается. Потом одобрительно кивает.

– Ты голодная? – спрашивает она.

Я машинально, не обдумав даже возможность куда-то пойти, отвечаю:

– У меня много домашки.

– Окей, – говорит она. – Как знаешь.

Я иду домой, предвкушая, как достану из рюкзака дневник Ингрид и буду читать его несколько часов кряду, пока не прочту от корки до корки. Но, проходя холмы, многоэтажки и все те места, где мы с ней гуляли вместе, я решаю, что нужно действовать по-другому.

Мне кажется, люди воспринимают друг друга как должное. Скажем, я проводила с Ингрид кучу времени – в ее комнате, в школе, на этом самом тротуаре, по которому я сейчас иду. И мы постоянно болтали – делились всем, что приходило нам в голову. Может, со стороны это звучало скучно, но нам не было скучно. Я никогда не осознавала, насколько это важно. Насколько это здорово – найти человека, который захочет выслушивать все твои глупости. И тебе кажется, что так будет всегда. Ты не думаешь ни с того ни с сего: «Скоро это закончится». Но теперь я лучше понимаю, как устро-

ена жизнь. Я знаю, что в тот момент, когда я закончу читать дневник Ингрид, между нами больше не останется незаполненных страниц.

Так что, вернувшись домой, я запираюсь в комнате, хотя, кроме меня, дома никого нет, вынимаю дневник Ингрид и какое-то время просто держу его в руках. Снова разглядываю рисунок на первой странице. А потом убираю. Я постараюсь растянуть этот процесс, как смогу.

15

После ужина я устраиваюсь на заднем сиденье машины с ноутбуком. Включаю кассету Дэйви, но негромко, чтобы музыка не мешала сосредоточиться. Я обдумываю начало эссе по английскому.

«Музыка – мощное средство выражения эмоций», – печатаю я. Удаляю. Начинаю заново: «Песни помогают нам запомнить определенные моменты жизни». Уже ближе к тому, что я пытаюсь сказать, но не совсем. Я закрываю крышку ноутбука. Из колонок доносится нежный женский голос и звуки гитары, и я открываю люк в крыше, сползаю пониже, поднимаю глаза на небо и слушаю.

Когда песня заканчивается, я выключаю кассету и пробую снова: «Когда ты безнадежно влюбляешься в песню, в тебе рождается чувство, которое невозможно описать».

Я перечитываю предложение. И продолжаю печатать, пы-

таясь во всех подробностях вспомнить лучший вечер в моей жизни.

Мы с Ингрид стояли перед зеркалом в ее ванной и сосредоточенно разглядывали свое отражение. Полка перед нами была завалена косметикой, шпильками и средствами для волос.

– Вот это мы красотки, – сказала Ингрид.

Я медленно кивнула, глядя, как мое отражение кивает в ответ. Мои гладкие длинные волосы блестели, разделенные по центру пробором. Ингрид наредила меня глубокими изумрудными тенями с глиттером, отчего мои глаза выглядели не просто карими, а янтарными. Свои светлые волосы она небрежно уложила с помощью шпилек, а красная помада придавала ей взрослый, утонченный вид.

– Да, – сказала я. – Мы потрясающие.

– Просто офигенные.

Мы идеально дополняли друг друга. Мы подходили друг другу так, что незнакомые люди интересовались, не сестры ли мы, хотя у нее были светлые волнистые волосы, а у меня – темные и прямые, хотя ее глаза были голубые, а мои – карие. Может, дело было в том, как мы себя вели, как говорили или просто *двигались*. В том, как мы смотрели на какую-нибудь вещь и одновременно думали об одном и том же, а потом поворачивались друг к другу и хором произносили одно и то же.

– Так, – сказала Ингрид. – Замри. – Маленькой кисточкой

она нанесла мне на губы розовый блеск, а я лизнула палец и стерла с ее щеки осыпавшуюся тушь.

Мы устроились на заднем сиденье внедорожника родителей Ингрид, и ее мама, Сьюзан, посмотрела на нас в зеркало заднего вида.

– Какие красавицы, – сказала она. В зеркало я видела, что она улыбается. Митч, отец Ингрид, повернулся и посмотрел на нас.

– Вы только поглядите. Ну и ну, – сказал он. Как я понимаю, это тоже было выражением одобрения.

Брат Ингрид, Дэйви, только что обручился со своей девушкой, Амандой, и в честь этого события они устраивали огромную вечеринку в ресторане в Сан-Франциско. Дэйви был на десять лет старше Ингрид. Она всегда говорила, что появилась на свет по ошибке, но Сьюзан и Митч это отрицали. Все на вечеринке были старше нас, но нас это не смущало. Это была возможность нарядиться и с предвкушением ждать вечера. Это была возможность выбраться из Лос-Серроса.

Митч и Сьюзан высадили нас перед рестораном и поехали искать место для парковки. Дэйви и Аманда были внутри. Они улыбались и, как всегда, выглядели абсолютно счастливыми.

Поболтав с ними, мы добрались до стола с кучей деликатесов и перепробовали всего понемногу. Свет померк, а музыка усилилась; все поднялись и начали танцевать. У Дэйви

и Аманды были очень красивые друзья, но в кои-то веки я тоже чувствовала себя красивой. Я встала и вышла в центр ресторана; на мне был черный свитер с треугольным вырезом и узкие темно-красные штаны из торгового центра. Ингрид последовала за мной; на ней было желтое платье и коричневые сапожки. Мне было приятно в окружении незнакомцев. Я не чувствовала себя школьницей. В тот момент я могла быть кем угодно.

Мы начали энергично отплясывать под британский рок – группы, которых мы никогда не слышали. В какой-то момент мы оказались с краю толпы, и к нам подошел официант с подносом, на котором стояло шампанское. Ингрид схватила два бокала, пока он не успел как следует ее разглядеть, и мы быстро их опустошили. Я не захмелела, нет – в конце концов, это был всего один бокал, – но пузыри ударили мне в голову, и танцевать стало еще веселее. А потом, полдюжины песен спустя, началась новая песня, и, едва слышав мужской голос – надрывный, спокойный и чувственный одновременно, – я застыла. Я стояла в окружении танцующих незнакомцев и просто слушала.

В тот момент я поняла, какую власть музыка имеет над людьми, как она может приносить боль и одновременно огромное удовольствие. Я стояла с закрытыми глазами, ощущая, как движутся вокруг меня люди, вибрации баса поднимались от пола, комком подступая к горлу, и что-то внутри меня разбилось и снова обрело целостность.

Когда песня закончилась, я схватила Ингрид за руку и вытащила ее из толпы, к Аманде, которая стояла рядом с диджеем, протягивала ему диски и говорила, какие песни включить. Рядом с ними стояли огромные колонки, и воздух вокруг сотрясался от вибрации.

– Что это была за группа? – прокричала я.

– «Кьюр»², – прокричала Аманда в ответ. – Нравится?

Я кивнула. «Они потрясающие», – хотелось сказать мне, но этого слова было мало.

Аманда убрала диск в коробку и вручила его мне.

– Держи, – сказала она. – Он твой.

Пару часов спустя я заканчиваю эссе. Через окно машины видно, что в доме темно. Родители, наверное, уже спят. Думаю, они уже привыкли к моим отлучкам. Я иду к дому, останавливаюсь перед горой досок. Поглаживаю ладонью верхнюю.

16

Утром я просыпаюсь раньше будильника, переворачиваюсь на бок и отключаю его. Мне едва удалось заснуть. Я все прокручивала в голове тот вечер. Долгие месяцы после него Ингрид была еще жива, но как будто оставалась во сне. Она

² *The Cure* – британская рок-группа, основанная в 1978 году.

продолжала рисовать в дневнике, общаться со мной, порой смеялась и вела себя как обычно, но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что все это она делала машинально. Так же, как чистят зубы и завтракают по утрам. В такие моменты ты не задумываешься о том, что делаешь; твои мысли заняты другим. Ты делаешь это автоматически, чтобы подготовиться к чему-то еще.

Я достаю дневник Ингрид – пожалуй, я это заслужила, учитывая, что на часах всего шесть сорок пять, а день уже не задался. Но когда я открываю его, все становится еще хуже.

дорогая вена!

я хочу сказать вам спасибо. вчера я взяла с собой фотоаппарат и сделала кучу снимков – я смотрела на все по-другому, и все вокруг было заключено в прямоугольные рамки, и мои глаза опережали камеру. а потом я пошла проявить фотографии в экспресс-лабораторию, где милый взъерошенный парень флиртовал со мной и сказал, что у меня отличные фотографии, и мне страшно захотелось поскорее их увидеть, так что я просто поблагодарила его и не стала докапываться до него за то, что он полез смотреть чужие фотографии. и они действительно оказались классные, особенно те, что с цветами, и та, что с разбитым окном и бетоном, и еще та, где я отражаюсь в витрине музыкального магазина: вокруг куча плакатов с тощими певицами с силиконовыми сиськами, и рядом я – настоящая, со своей камерой. вена, благодаря вам моя жизнь, возможно, еще

сложится к лучшему. я брошу все и уеду путешествовать по миру, фотографировать животных и первобытные племена для national geographic, и у меня будет все: безумные приключения, страстный секс с горячими туземцами, которые говорят на каком-нибудь редком диалекте, так что мы будем общаться жестами, а потом расставаться навсегда. а может, я (бедные мои родители) вместо нормального университета поступлю в художественное училище где-нибудь в нью-йорке и прославлюсь снимками шлюх, наркоманов и беспризорников, которые живут на улице и спят в ночлежках, а когда мне будут вручать нобелевскую премию мира, в благодарственной речи я скажу: «все началось с вас, вена дилейни. я обязана вам всем». и вы будете плакать от радости и гордиться мной.

ингрид

17

Само собой, на фотографию я не иду.

Я сижу на тротуаре за многоэтажкой одна – жалкое зрелище – и жду 8:50. Отвернувшись от домов, я разглядываю холм и деревья. Я начинаю считать деревья. Потом неосознанно начинаю вспоминать по одной своей ошибке на каждое дерево. Могучий дуб – я никому не сказала, что Ингрид режет себя. Молодое деревце – я сказала ей, что меня уже тошнит слушать про плечи и голубую рубашку Джейсона.

Высокое дерево с голыми ветвями – то, как я уходила, когда она начинала хандрить и замыкаться в себе. Я должна была остаться. Должна была тихо сидеть рядом, чтобы она знала, что она не одна. Сосна – тот день, когда я солгала и сказала, что не готова гулять с ней каждый день, хотя на самом деле просто не хотела воровать лак из «Лонга», потому что в тот единственный раз, когда мы это сделали, я почувствовала себя паршиво. Я знала, что она едва сдерживает слезы, хотя она повернулась ко мне спиной и ушла. В тот день ее поймали с подводкой и краской для волос в рюкзаке. Я выбираю сосну поменьше за то, что в тот момент меня не было рядом. Потом перевожу взгляд на огромную группу деревьев вдалеке – все те разы, когда я обзывала ее или называла тупой – конечно, не всерьез, но, возможно, ей все равно было обидно.

Утренний туман накрывает деревья одно за другим, как саван сожалений. Я достаю из рюкзака фотоаппарат. Мне отчаянно хочется сделать снимок. Я не делаю.

18

Я захожу в кабинет алгебры и неожиданно для себя сажусь рядом с Тейлором.

– Она вскрыла себе вены, – говорю я.

Тейлор поворачивается ко мне. Вид у него потерянный – примерно так он выглядит, когда не может найти значение x .

Я смотрю ему в глаза. Внутри меня тугим узлом сплетается злость.

– Чего? – переспрашивает он.

– Ты спрашивал, как она это сделала. Она вскрыла себе вены и истекла кровью. Обычно это не работает, но она ответственно подошла к делу.

Он бледнеет. Ему явно неуютно. Он избегает моего взгляда.

– Теперь ты знаешь, – говорю я.

Я откидываюсь на спинку стула и отворачиваюсь от него. Мистер Джеймс разбирает домашнюю работу на стареньком проекторе, но я не могу сосредоточиться. Я вижу ее. Я крепко зажмуриваюсь, потом смотрю на стол в надежде, что пустота прогонит ее образ. Кто-то черным маркером написал в правом верхнем углу: «ЛОХ». Я тру буквы изо всех сил, так, что у меня сводит палец. Маркер не стирается. Я тяжело дышу. Кажется, Тейлор повернулся ко мне снова, но я не хочу на него смотреть.

– Мне нужно пересесть, – бормочу я неизвестно кому, хватаю рюкзак и иду вдоль ряда, пока не нахожу чистый стол.

Но я продолжаю видеть ее, словно я была в то утро у нее дома. Словно это не мама Ингрид, а я открыла дверь ее ванной и увидела, как она лежит в ванне, голая, с закрытыми глазами, безвольно поникшей головой и плавающими на поверхности красной воды руками. Я смотрю на проектор мистера Джеймса, но вижу только открытые раны на ее руках. Я

не слышу, что он говорит. Сперва пропадают звуки, а потом весь мир теряет форму.

Медленно, очень медленно я опускаю голову, пока лицо не касается холодной поверхности стола. Я слушаю свое дыхание, чувствую, как натужно стучит мое сердце. До меня доносится негромкое тиканье. Я смотрю на стену, туда, где должны быть часы, и под неразборчивое бормотание мистера Джеймса жду, когда ко мне вернется зрение.

19

Кожа у Ингрид была гладкая и бледная, почти прозрачная. Сквозь нее на руках просвечивали голубые вены, и эти вены придавали ей какую-то хрупкость. Подобную хрупкость я ощущала, когда опускала голову на грудь своего первого парня, Эрика Дэниелса, слышала, как стучит его сердце, и думала: «Ого». Люди редко думают про кровь и биение сердца. Или про легкие. Но когда я смотрела на Ингрид, я всякий раз вспоминала про эти вещи, которые поддерживали в ней жизнь.

Впервые она порезала себе кожу острием канцелярского ножа. Когда порезы зарубцевались, она задрала рубашку, чтобы показать их мне. Она вырезала у себя на животе «ИДИ НА ХЕР». У меня словно вышибло дух, и какое-то время я стояла молча. Я должна была схватить ее за руку и отвести в медпункт, в маленькую комнатку с двумя койками, засте-

ленными простынями, затхлым воздухом и сладковатым запахом лекарств.

Я должна была задрать рубашку Ингрид и показать ее порезы. «Смотрите, – сказала бы я сидящей за столом медсестре в очках, сдвинутых на кончик острого носа. – Пожалуйста, помогите ей».

Но я протянула руку и очертила пальцами слова на ее коже. Порезы были неглубокие, и корочка почти не чувствовалась. Она была грубой, коричневатой. Я знала, что многие девчонки из школы режут себя. Они натягивали рукава на запястья и прорезали в них отверстия для больших пальцев, чтобы прикрыть шрамы. Мне хотелось спросить Ингрид, больно ли ей было, но я чувствовала себя глупо, словно упускала что-то важное, и вместо этого я сказала: «Сама иди, сучка». Ингрид захихикала, а я постаралась отмахнуться от ощущения, что что-то хорошее, что было между нами, начало меняться.

20

Папа встречает меня у подножия лестницы. В руке он держит за шнурки мои любимые кроссовки.

– Посмотри на это, – говорит он. – Это же кошмар.

Он демонстрирует мне подошвы, протертые почти насквозь, и качает головой:

– Люди подумают, что мы о тебе не заботимся. Вызовут

службу опеки. Тебе срочно нужна новая обувь.

Я закатываю глаза. Сейчас утро субботы, на папе поло и совершенно чудовищные шорты. Я смотрю на его обувь. К сожалению, она безупречна.

– Ладно.

Я поднимаюсь наверх, смотрю в зеркало, наношу под глаза немного консилера, чтобы не пугать людей, надеваю рюкзак и возвращаюсь к папе.

– А это зачем? – спрашивает он, указывая на рюкзак.

– У меня там кошелек.

– Я куплю тебе обувь. Тебе не нужен кошелек.

Я не уйду без ее дневника.

– Ну... у меня там куча мелочей. Вдруг что-то понадобится?

Он пожимает плечами.

– Как скажешь.

В машине он спрашивает, как продвигается мозговой штурм.

– Мозговой штурм?

– Придумала, что будешь строить?

– А, это. – Я смотрю на черные кожаные кресла и провожу пальцем по шву. – Я пока не решила. – Я говорю так, словно у меня полно идей и я просто не определилась, какую выбрать.

Он кивает.

– Что бы ты ни решила, мне не терпится посмотреть на результат.

Я не отвечаю, и он включает радио. Двое механиков с сильным бостонским акцентом балагурят и дают советы автолюбителям.

– Когда думаешь получать права? – спрашивает папа.

Я пожимаю плечами и отворачиваюсь к окну. На улице так светло, что хочется зажмуриться.

Папа косится на меня. Механики посмеиваются над какой-то шуткой. Помедлив, папа похлопывает меня по колену.

– Спешить некуда, – говорит он. – Получишь, когда будешь готова.

Еще недавно я была бы счастлива пройтись по магазинам, но когда мы заходим в торговый центр, я совершенно теряюсь среди бесконечных рядов с обувью, всех этих *вещей*, которые я должна хотеть. Люди кружат вокруг меня, переходят от пары к паре, восклицают: «Какая прелесть!», берут обувь и вертят ее в поисках ценника. Я стою на месте, не зная, с чего начать, и пытаюсь вспомнить, зачем мы вообще сюда приехали. Я чувствую на себе папин взгляд. Я понимаю, что он ждет от меня какой-то реакции, но ничего не могу поделать.

Наконец он берет с круглого столика перед нами пару зеленых конверсов.

– Как тебе?

– Симпатичные, – говорю я. И вспоминаю о красных конверсах Ингрид, как она расписывала белую резину по бокам и на носу.

– Мы возьмем вот эти, – говорит папа продавцу-консультанту. – Восьмой размер. Да, Кейтлин?

Я киваю.

– Не хотите примерить? – спрашивает консультант.

– Вернем, если не подойдут, – говорит папа и протягивает ему карточку.

Пока он оплачивает покупку, я замечаю девочку из школы. Я с ней не знакома, не знаю даже имени. Она учится по особой программе – не для детей-инвалидов, а для тех, кого называют «подростками в группе риска». Мы встречаемся с ней взглядами.

– Привет. Ты вроде учишься в «Висте»? – говорит она.

– Ага.

Ее волосы переливаются миллионом оттенков. Такое чувство, что она меняет цвет каждые пару дней и теперь ее волосы бунтуют: светлые вокруг ушей, русые у корней, рыжие на висках.

– Тебя зовут Кейтлин, да? Я Мелани. Ты меня, скорее всего, не знаешь, потому что я не люблю тусить в школе. Мы с ребятами обедаем на бейсбольной трибуне. Туда редко кто заходит, – тараторит она взволнованно.

– Я тебя узнала, – говорю я.

Мне хочется спросить, откуда она знает мое имя, но я подозреваю, что уже знаю ответ, и я не хочу слышать ее объяснение. Папа подходит к кассе, чтобы подписать чек. Мелани не смотрит на меня. Она берет выставленные на столике бо-

тинки, один за другим, и вертит их в поисках ценника. На сами ботинки она почти не смотрит. Я даже не уверена, что она вчитывается в ценники, но тут она морщится и говорит: «Ни хрена себе».

– Триста долларов, – произносит она одними губами и возвращает ботинок на стол. Не уверена, кому адресованы ее слова: мне, ботинку или всему магазину.

Я представляю, как обедаю с ней и ее неведомыми «ребятами» вдали от других людей. Возможно, так действительно будет проще.

Папа возвращается с пакетом, в котором лежат мои новые кеды.

– Пока, – говорю я Мелани.

Она поднимает руку и шевелит пальцами, не глядя на меня.

На выходе из торгового центра папа спрашивает:

– Вы знакомы?

Он произносит эти слова чуть громче и небрежнее обычного. У меня довольно прогрессивные родители, если это слово вообще применимо к родителям, но я чувствую, что папа встревожился. Скажем так: не обязательно знать, что Мелани учится по программе для подростков «в группе риска», чтобы понять, что с ней что-то не так.

– Нет, – говорю я. – Просто учимся в одной школе.

В понедельник я прихожу в школу пораньше и задерживаюсь у шкафчика. Когда я убираю на верхнюю полку учебник математики, мне вдруг хочется снять фотографию Ингрид и посмотреть в зеркало. Все мои утренние процедуры сводятся к тому, чтобы принять душ и натянуть джинсы и старую футболку. К тому времени, как я выхожу из душа, зеркало в ванной почти всегда запотеваает, и я даже не знаю, как выгляжу. Я смотрю на белую футболку, которую надела сегодня, и понимаю, что она, скорее всего, принадлежит отцу. Она огромная и висит на мне мешком. Интересно, что сказала бы Ингрид, если б знала, до чего я опустилась. «Ты ведь не собираешься выйти из дома в этом?» – сказала бы она. Или: «Возьмите себя в руки, мадам!» Я касаюсь ее фотографии и решаю не рисковать.

По коридору разносятся тяжелые шаги, и, когда я отвожу взгляд от холма, я вижу, что Дилан стоит рядом и возится с кодовым замком на своем шкафчике.

– Привет, – говорю я. Мне хочется загладить свою пятнистую грубость.

Она вяло шевелит рукой в ответ и что-то невнятно бормочет. Не могу сказать, на каком языке.

– Прошу прощения?

Она тычет пальцем в серебристый термос в руке.

– Рано, – выдавливают она. – Еще не допила кофе.

Когда я захожу в кабинет фотографии, мне в глаза бросается список должников на доске. У нескольких человек не хватает одной или двух работ. Только напротив моего имени написано: «Все».

Я думаю обо всех фотографиях, которые хотела сделать, и мне становится ужасно обидно. Но сдать мисс Дилейни работу, которая мне действительно дорога, – все равно что отдать себя ей на растерзание. Нет уж, спасибо. Я падаю на стул за последней партой, вполуха слушая ее следующее задание: натюрморт. Она пускает по рядам свои книги, чтобы показать нам примеры. Я изучаю неодушевленные объекты. Ваза с фруктами. Стопка книг. Пара потертых балетных туфелек в драматичном освещении.

Вдохновение приходит из ниоткуда.

Я с трудом дожидаюсь обеда. Когда наступает большая перемена, я вижу, что дежурный направляется к дальней парковке, и быстро иду в противоположную сторону. На углу школы я устанавливаю на тротуаре штатив с камерой и смотрю через объектив. Я выстраиваю кадр так, чтобы в него попала дорога и тротуар на противоположной стороне улицы. Я жду. На горизонте появляется машина, и я готовлюсь действовать. Машина пролетает мимо, и я спускаю затвор. Вскоре мимо проезжает еще две – я снимаю и их тоже. До конца обеденного перерыва я караулю у дороги автомобили и фотографирую, как они проносятся мимо меня. Я понимаю,

что это не искусство. Я делаю это из чувства противоречия, но всякий раз, когда я нажимаю на кнопку, мне становится немного легче.

22

– Это было интересно, – говорит мистер Робертсон. – Вы выбрали очень разные песни. – Он прогуливается между рядов, возвращая наши эссе лицом вниз. – Но только два отлично. Кейтлин, Дилан – молодцы. Остальным следовало копнуть поглубже. Поэзия *многослойна*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.